

ПРЕДЫСТОРИЯ

Сначала, в годину времён,

разумеется, до человеческих,

И надо ж — навечно,

Явилось разумное чадо.

Но здесь, — что касается вечности, —

недостаёт беспристрастного взгляда.

А впрочем, гарантии вечности не удалось мне (а вам?!)

получить даже там, где дела, разбитные по смыслу,

Такие, что до наших пор,

умных сверх всяких норм, не зависли,

Хотя их причастность бесспорна, но... Где — там?!

Ведь надо, гарантии чтоб исходили

От неимоверных мыслителей, что из когорты конечных.

И после с наследниками их, — по духу, — бродили.

(Но где они дышат?!),

И кто их, молчальников, слышит?

Потом наступили библейские замысловатые

(неповторимости дань) века-веки,

Когда не Адам одинокий, а дерзостные человеки,

Заприватизировав смерть, превратили в наследников,

Отнюдь не в раздолье пустом,

где не место растить привередников,

Своих беспредельно любимых,

одетых в эмоции очень цветущие, деток:

Бесценных, на уровне выросших

к тем временам, раритетов.

И вслед, прогрессируя (из поколения и — в поколение!),

стали свой жизненный опыт, а также итоговый бред,

Захваченный ими в борьбе неустанной во имя сует,

Навязывать юным умельцам,

покуда те не закоснели на собственных жаждах

Под действием слов-указаний весьма башковитых
Родных мудрецов.

Слов, никем и ничем до сих пор не добитых:

«Вы, детки, дела наши доблестные
без сомнений глухих продолжайте!

А чтоб не случилось промашек

В оценках способностей ваших

И, вследствие этого, всякого рода прорух

в окоёме, делами кипящем,

По нашим уже временам, без сомнения, вящим,

Даём вам затычки-отмычки оценок-отметок в обличье
экзамена, нами измышлённого — расторопного».

Отцы обращались не к деткам уже, а к инфантам,

Себя причисляющим

(гордость-гордыня не дремлет) к гигантам

Упитанной мудрости —

клада ума, посему уже не допотопного.

Не дело инфантов, — ленивых по воле родителей,

опытом деятельным баламутных, —

Пытать мудрость древнюю, не меркантильную,

В которой сам чёрт (кто такой?!) ногу сломит,

на радость могутных, при этом хомутных

Душою, и телом, и сердцем, и духом

людей допотопных — реликтов с чистильною

Любовью ко всем человекам.

Любовью, без всяких регрессов по части свободы,

Бескрайней. Любовью, с которой не сладят невзгоды:

Надеждой на разум соборный обильною.

Любовью ко всем обитателям жизни,

далёким и ближним, особенно к детям:

Единственным людям —

безгрешным на всём обесцвеченном свете.

Естественность значит предвзятость (!) —

Маяк, дабы каждый ребёнок

С пелёнок,

В которых командует святость,

Взял и оказался в округе таких (простодушных) людей,
Которых, чтоб души их жили безоблачным смыслом,
возьми-обеспечь мириадами душеполезных затей.

Ребёнку в такой обстановке
Реально в любовь угодить без страховки,
Где он сможет без упражнений

расти полноценною, незаурядною личностью
С вселенской (поэтому без эгоизма) практичностью,
С разумностью, творческой силой своей поражающей
Оценщиков опытных и порождающей,

Естественно, разнообразие жизни
плодами своими за счёт их несхожести

Со всякими прочими,
что соответствуют имени: пустопорожные.

А значит, отцам-воспитателям надо самим непохожими
Быть ни на (времен оных) гениев — копий античности,
Ни на (это было б ужасно), в пустяк обезличенных
унификатов — продукции бюрократичности.

А надо: ни много ни мало —
Похожими быть на себя!

Ибо это: по образу Господа Бога!
Во что бы всё это ни стало!

Иначе бесплодна дорога
При всей своей неповторимой, неведомой —
ни олигархам, ни мудрым мыслителям — сложности.

Однако наука нам бает: всё сложное непредсказуемо
В своём поведении. Жди от «всего» фортелей.
Поэтому-то мудрецы современные, дуже разумные,
Придумали ложе прокрустово под управлением
Скользких: наукой шлифованных точно (!) — рулей.

НЕ ИЩИ ДВУХ РАЗНИЦ

Наследник! По плану начального опыта

выяснилось (чуть побольше печального,

Чем искреннего — карнавального):

Упорными предками ты был тогда крепко

запрограммирован в умненькие вундеркинды.

Но качествами, в смысле неповторяемости,

от природы шершавыми

(При этом что́ плохо: существенно шальными),

Ты не пролезает в тот мир,

что устроен прогрессом ликвидным.

Что делать? Остайся,

каким ты направлен на Землю суровую,

И влитые в гены задатки свои устрожи.

Но — тяжело? Тогда поменяй щебневую

избную судьбу свою

На явно чужую — дворцовую.

Задача нелёгкая... Но — не в бою...

Для этого в ложе прокрустово с хитрым покорством,

суммой природных своих причиндалов, вложись.

Тебя пообтешут. Полезный процесс: дабы в жизни

никто из числа твоих новых приятелей, —

Тебе до зарезу (кого бы?) потребных участников дел

твоих и очень выструганных прихлебателей, —

Себя не поранил о всякого рода природой взращённые

в сердце, в душе и в удачных местечках колючки.

А чтоб не страдать тебе вследствие новой,

Почти что суровой,

Твоей необычности от непреклонных кого-то

спасателей, как-то искателей, что-то желателей,

Чтоб чаще и дольше ты был от воздействий,

прокрустовых — гуманистических, в отключке,

Придуман помощник, подобный слуге, —

Прокрустова типа. Не путать с ЕГЭ.

Прокрустов придуман надсмотрщиком над ушедшей ленью

твоей: быть, спасающей рой перспектив, кочерге.

Позволит он кучу вершков нахватать тебе
в гонке за счастьем. А вот с корешками — загвоздка:
Чуть-чуть прозевал — разобрали соседи,
и локти себе не кусай: во всех случаях поздно.
Вершки позволяют пробиться к штурвалу. Не дюже
тебе не присущему. И — к вожделению путь!
Обструганному (важно: кем и зачем) гражданину
под стать ширпотреба совсем не пристало,
В отличие от граждан мира иного, иметь благ навалом.
И ты перебьёшься, свой зная шесток, как-нибудь.
ЕГЭ! Что — ЕГЭ? Это — мелочь в сознании нации.
В ней (в нации истинной) всё — демократия.
Ишь — расплодились народы!
И каждый талдычит словами, терактами,
гордостью мелкой о локализации
Его самобытности — дескать, не троньте свободы.
А надо — как Маркс повелел: голова — интернационал.
Народы все он в рай земной отведёт — в коммунизм.
Не будет ни чёрных, ни белых — все серые,
как голубой идеал,
Пылающие, как мангал,
Запальчивые, как скандал,
Крутые, как мемориал.
Не будет богатых и бедных — во всём и для всех парадиз
(Прекрасный пример парадиза:
вспомянем военные годы — ленд-лиз).
... — Позвольте, — вы скажете, —
есть разновидность людей — богатеи.
Для них евры, доллары — жизни бестрепетной смысл.
Труд алчности кормит их пиршественные затеи.
А всё остальное — хоть в подлинный ад провались?!
... Вы слишком суровы в оценках деяний богатых бедняг:
Так тяжело богатства беречь им. Плюс (минус!) вся
жизнь их — борьба за комфорт: за наш общий прогресс.
Они — пионеры в создании радостных благ.
Для всех! Ибо чем денег больше у них, тем их больше
у нас, благодарных (им, знамо) за кучу рабочих,

И прочих, — хотя и не олигархических,
но нам приятных по части курчавости, — мест.
Бывает — не мест, а местечек:
на то она истинная и крутая свобода.
В ней всё заверти, в узел крепкий свяжи:
гены, цены, арены, измены.
При этом не смей забывать: олигархи
(Есть слухи — у нас они вывелись.
Кто вместо них? Неужели, в размахе,
Трудяги финансовых далее иного прихода-исхода?):
Известно давно — все бессребреники. Как и вы.
В сусеках у них поскреби-помети — не найти
(не поддайтесь наветам молвы!)
Ни грязью залепленного совершенна, ни свежей иены.
А доллары — только забота о, пусть относительно,
но совершенстве их смены,
Чтоб было кому продолжать их общественный подвиг.
И — золото... Нет в нём намёка на алчность.
Лишь только — на чудо сакральности:
С младенческих олигархических лет —
недвусмысленный повод
Наследникам силы вложить
в процветание вольной реальности.

ГОНИСЬ!

Когда ты поймёшь это — ты устоялся...
У печки, которая гонит плясать...
Великая истина... Но — состоялся?!
Наивность и детский, без выхода, сад.

БОЙСЯ СУСЕКОВ

...О чём ты задумалось, время?!

Не любит неясности очень гуманное,
бойких кровей, прогрессивное племя.

Оно хочет выявить всех, кто старается быть волевым человеком,

И с пользой для них (членов племени) расположить их

по разным (сварганенным временем этим) сусекам:

Друзья, адвокаты, агенты, враги

Народа. Но вправду ль народа? И вправду ль друзья?

А может быть, следует карты открыть?!

«Или этого делать, по неким прикидкам, нельзя?

И лучше не видеть ни звука, не слышать ни зги .

А если увидеть-услышать,

то вызвать на помощь insult и забыть.

И выбыть из душемрачительной гонки,

Где рвутся постромки.

Бывает, нечасто, но всё же: натяги выдерживают

и не рвутся; транзит всем, открытым душою, в спасенье.

Но опыт гутарит: опасно такое везенье.

ПРОЦЕСС СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Не спрятать плоды достижений, —

как принято определять: и полезных, и разных, —

Провидцев (и прочих), трудившихся в логове

головоломных затей,

Вполне ощущавших посылы живого прогресса, —

безропотных и безотказных, —

От всяких, познавших

сугубую пользу любых распродаж, ловкачей.

...Оценки минувшего...

Вот где упрятаны будущие развороты!

Пусть дело то хлопотное, но достанет сноровки

У шустрых спецназовцев спешки с немеркнувшим

опытом акцентировки и профилировки,

А к ним также

ковки, фуговки, стыковки и перестановки,

В конце — сортировки,

И даже, в особенно муторных случаях, баллотировки:

Всё переиначить в угоду заказчикам перелицовки.

ТРИ КАРТЫ

...Великие деньги не терпят великих идей.

Три принципа: те же три карты.

Умей угадать, рассмотреть их в деталях, и жизнь

враз (как думаешь ты) засияет.

Но вот ведь загвоздка: узнать их — проблема без края.

В лицо, из числа чудаков — без наставников борзых, —

никто не сумеет узреть их нигде.

Но без этих «карт»-охранителей у многоборца

мирского не может случиться надёжного старта.

А если случится такое (здесь карты совсем ни при чём):

И резвость начала, — толчок,

Что борцу позволяет,

Пока все зевают,

Умчаться в какой-то «перёд», —

То странное: «вдруг» — не помедлит, и в лоб

остановит крутой разворот:

Лови в поле запахи странных скачков, патриот!

Три карты (попались мне — и я проверил их силу):

свобода бескрайняя —

равенство полное —

братство всемирное.

Здесь он — весь закон. Всех удачных времён.

Для всех в самобытности разных народов и наций.

Чтоб их, раззадорив, свести на поклон

Джентльмену удачи смертельной.

...Где вы, исключения смиренные?!

А впрочем, зачем они, если вполне дрессированный слон

С умелым погонщиком объединяет в единый ансамбль

все посудные лавки.

И вскоре там льются хрустальные звуки!
Спешите, товарищи, граждане и господа, делать ставки!
Поверьте: и звуки способны нагреть неленивые руки.

ЧТО ТАКОЕ САМОБЫТНОСТЬ?

Известно из древних законов, —
и мысли, и плоти — движения:
Любой человек самобытен по факту рождения.
И с ним самобытны
семья его, род, племя, в целом — народ.
Сплочённое разнообразие душ самобытных
союзу воинственных туш антипод.
Ищи в самобытности самых надёжных успехов оплот.
Но ежели нет самобытности —
нет приходимцев находчивых,
Весьма в дармовщинке из разнообразий разборчивых.
Ура! Или как? Ибо если следа её нет, человек
своей сутью, как будто естественной, — каменный.
Народ из людей
твёрдокаменных жутью (и без отклонений) — скала.
Как в камне любом, в нём ни грамма раскаяния.
Ищи-выбирай между вечностями-близнецами.
В нелицеприятном: была — не была!
Случается: всякий народ,
самобытность которого вянет и никнет, —
Отходит в толпу, для себя незаметно, безликих,
Слабеет и падает (быстро ли — долго ль: бывает любое,
Но если слабеет и падает — значит, без боя)
Под ноги мирскому прогрессу. В подстил.
Он и не народ теперь — ибо и дряхл, и недужен,
Но конгломерат, рассыпающийся, сам с усам по себе,
без участия всяких, враждебных и «дружеских», сил.
Что может быть хуже?!
И кем же теперь он —
народ вроде бы — человечеству служит?

...Народ? Он — любой человек:
Одна из его, человечества, вех.
Кто вместе с общиной — в единстве со всеми,
Когда одного с ним, с народом, и духа, и плоти посева.
А каждому члену её они собственные, —
так всегда! — адвокаты и судьи.
Кто кровь его, пот его, дух его? Всё всенародная суть.
У тех, кто с ним в горести не разлучается —
хоть разори их до нитки гнилой, — не убудет.
Кто нет — те иные.
Дай, Господи, им обнаружить
к единству с народом своим позывные.
Пока же надежды их мысли ничтожной —
На евры, на доллары,
но не на русские, несокрушимые в бедах, шиши.
Хотя и шиши им нужны — для обмена разграбленной
Родины на «благоденствие» в американской прихожей.
В них всё (приглядишь) от Руси. Кроме — русской души.
Не смогут найти себя? Ветра попутного.
В души и спины. А в место одно — вольгажи.

БЕСПАМЯТСТВО — МАТЕРЬ НАИВНОСТИ

А нам как?! Куда? Ведь все правы!
Неправы лишь мы, потому что живёт
безответственность в наших натурах.
Не можем никак мы найти на себя (чтоб — себе!)
полноценной управы.
Вредим мы, не чувствуя этого, чаще всего
подопечным своим от мала до велика,
С привычностью нашей безликой.
Подобно сверх меры заботливым (в спорте такое
случается) тренерам, в чьих процедурах
Нет мер, чтоб сдирать по семь шкур
и ещё одну шкуру, —
И с лени, и с гордости, и с безответственности
тех спортсменов-бахвалов,

Которых во всякой не слишком успешной
команде сверх смыслов любых — до скандала.

При этом им там совершенно не тесно.

Среди им подобных служителей миру прогресса

Особо опасны для дела (и духа!)

своей чужеродностью, так сказать, идеалисты,

В противниках (да-да, в противниках!)

видящих лишь мастерство с благородством.

Забыли: бывают иные враги. И бывает, что сплошь.

Сам будь в помыслах чистым.

Но клюшку держи на весу. А судья?

Не в одной лишь Гааге уродство.

ЦЕННОСТЬ ПРИНЦИПИАЛЬНОСТИ

Сейчас правых (в мнениях собственных)

до издевательства много: изделия клиники.

Причина: со всей своей

принципиальностью несокрушимой — свобода!

Та, что обеспечили людям сплошным

очень хваткие связями, вёрткие разумом циники.

А мы... Мы не правы, поскольку считаем упорно

такая свобода — мето́да

Ломать всё святое и ценное для трудового

(да-да, трудового!) народа.

Где мы — его часть. Получается, что — беспринципная.

НЕПРАВДА И ЛОЖЬ

Неправда — не ложь. Она то́ж, что из общества «самый
простой» человек произволом своим извлекает.

А правда — не истина. Но — драгоценность особого рода,
которую сердце от подлости мира сего бережёт.

И нам — неустойчивым в вере,

рабам ненадёжным своим, отпускает

Её, правду, в качестве смазки по дозе, отмеренной
точно, на каждый наш верный, по духу, шажок.
Святая неправда! Она-то и есть самобытность!
То, что отличает тебя и друзей очевидных твоих,
с их округой (духовных!) идей,
От прочих, опричных, людей,
Сплетая дела разных личностей, духом одним
вдохновляемых, в бесщелевую безбрежность,
Где в «моде» находки в просчётах, рождение смысла,
Убийство бессмысленности и ещё — ненасытность
В движении мысли, сердечности, цели.
В них жизни глубины, причём и когда они — мели!
Там, в радостях-муках, — побед неизбежность.
Для всех самобытных людей. Значит, и, без сомнений,
для вас. Если даже дела ваши прахом пойдут.
Тупик? Нет — спасательный круг:
Всем людям с прорехами в опыте,
кто в жизни выберет тот же маршрут.
Всем, в первую очередь,
кто — вместе с вами! Отсюда — и вам...
Никто без поддержки не будет оставлен на миг
горевой, если он ищет путь свой по тем же следам.
Людей — миллиарды. Дорог — миллионы. Истоптаны все.
Открытия, те, что из правил любых исключения,
в общей идут полосе.
Но каждый возникший ходун в первый раз
по-любому из них — первопроходец.
С душою инкогнито или во всей откровенной
(не исключено — лицемерной) красе.
Все. И благородные, —
Какими привыкли себя выставлять
хитрованы бесплодные, —
И тяглые, кто коренные в общественной тачке,
которых погонщики центовые именуют: «народец».
Все движутся к цели:
Одни неумною бражкой,

Сплочённые братством, не брагой,
Другие: кто мелкой ватажкой,
Кто непринуждённой ватагой,
А третьи, чьих — марксово знамя,
Стальными (как будто) рядами.
Вне счёта такого — мозгами
Снабжённые ловкими.
Те мчатся на «мерсах» рублёвками.
А тот, из «простых» ходоков,
кто утратил всё, что проложил,
Оставил всех, кем дорожил,
До точки и даже за точку,
Идти продолжает тропинкой своей. В одиночку?
Нет, с Ангелом, Богом назначенным!
Того, кто открыт, не оставит Он благом, хоть тот
в суете изуродовал грешно природные качества.
Идут бедолаги, счастливыцы, мояхатаскрайцы
и прочие денно и ночью по-разному.
Их счастье, когда по пути безотказному.

ОХ УЖ ЭТИ СОВЕТЫ...

Дорога нелёгкая.

Но она Божьей любовью устелена!

Упал — здоровее поднялся, ударился больно —
немалую пользу извлёк,

Помёрз, перегрелся — закалка бесценная в теле
на всю жизнь, если вера жива — путевой огонёк.

ОТКРОЙСЯ!

Пшеница? Плевелы? Без помощи Божьей одно от
другого нельзя, без опасности сесть в водоём, отличить.
А значит, кого бы то ни было, даже себя, и за промахи,
и попадания, но не в искомую цель, не спеша обличить.
Молись. Если молится — нечто.

Не молится — значит, ничто.
Все души — не голые. Все приодеты.
Кто в славное вечное лето,
Кто в зимнее, от гуманизма, манто.
Оценки — совсем незначительных,
может подуматься, дел — обнажат катастрофы потерь
Успехам грехами закрытую тщательно дверь .
Доходчивость для байбаков?! Мы — умы?!
До духовной сумы!
Два мира: земной и небесный.
Два антагониста. Как будто. Духовный — телесный.
Они существуют, по виду, раздельно.
Но мир удивительно тесный!
И — неудивительно, что расчудесный!

ОТ ВЕСЕЛЬЯ ДО ТОСКИ...

Такой оборот разворота без ропота и укорота
возможен, когда есть любовь.
Но ей, бедолаге, несладко. Её бюрократия гонит.
Причём нелюбовь, даже ненависть, к ней (о любви
разговор), в лицемерии твёрдом, — основой основ
должна быть привычек житейских. «Борцы за свободу»
её посемя что есть сил от надежд вездесущих хоронят.
И роют ей ров, губят кров, насылают лакеев своих,
издевательства ради над нею — шутов.
А все эти «амортизации» только за то,
что она непочтительна к деньгам. Её не купить.
Но это уже криминал: бюрократия — царство торговли.
Любовь, души соединяющая крепко-накрепко, — нить:
Единственная в своём роде защита
смиранных людей от цинизма подлунной юдоли.
Продажной любви не бывает.
То, что продаётся под именем этим, — разврат.
Ликует (не рано ли?) конгломерат,
ложь свою перекрасивший в правду,

А правду в ложь. Многозначительны действия эти
при плёвом объёме затрат.
Горой дивиденды: власть, деньги, улады,
и — на ловких авторов нет ни управы, ни сладу.
Но если не будет любви на Земле —
настоящей, величественной, христианской,
То быстро забудется общество в эгоистическом трансе.
Затем распадётся на секты, объекты, нюансы.
Конец — одиночки. Нет общества: нет на спасение
ни одного, даже призрачно верного, шанса.
И только — поскольку не будет любви. Передавая её,
передают люди всё человечество.
И чувствуя ужасы жизни такой,
в безысходности мечутся.

ДВА ПОЛЮСА

А если взглянуть на конструкцию эту
с другого подвеса?
Есть общество. Пусть — «чёрный ящик». А в нём маета.
Все передовые сообщники крутятся ради прогресса.
Но что он за зверь? Нет ответа у них:
разум общества скис. Перед ним темнота.
А где же соборность?! Ей, как бы её ни крушили
враги, бесконечная жизнь обеспечена.
От Господа Бога она. Жизнь естественная — от неё.
Все люди в ней — личности. Все они вечностью мечены,
Какое бы место в земной иерархии не занимал каждый —
из её подданных, даже в ничтожестве будто б своём.
Два полюса (вечные?) у человеческого жития-бытия.
Один — безупречный, а значит, диктующий миру законы
естественности, накрепко с вечностью дружные:
Открытость, любовь, трудолюбие, самоотверженность,
взаимодействие, воля, семья,
Во имя создания личностей, душами Вечности нужными.
Другой — бессердечный, а значит, вступающий

в противоречие с тем, что естественно в мире:
Корыстность, вражда, тунеядство, цинизм, мироедство,
свобода безнравственности, криминальность
Во имя господства бессмысленных денег над духом
извечным, чтоб вы (плутократы) «в сортире
мочили» его, когда вас вдохновит виртуальность.

ТЕРПИМОСТЬ И БДИТЕЛЬНОСТЬ

Духовное поле.

В нём воин успешный — любой одиночка,
Когда он его обитатель, хозяин, ораатай.
Святым Гермогеном поставлена вечная точка
В надеждах католиков зреть наш народ униатом.
Но нам, — видно, неукротимым никем и ничем
простофилям, — в последнем (похоже) духовном изгоне
уже не понять, что потребно для нашего духа,
чтоб мы, маловеры, прозрели и в дух православный влились.
Иначе народ наш окажется в вечном полоне,
Когда нас, баранов, Горыныч-козёл отведёт в глобализм.
Соборность... Не миф ли уже? Где она обитает?
Нигде, если в партиях шарить.

Везде, ибо дух её неистребим.

Не справиться с ней, даже в случае крепкого спая,
Безличностям стильным — и в пахнущем дружбою
с долларом-евро финансовом «рае».

Пытаются «некто» огнём американизации вызвать
приятный, на нюх наш, демократизации дым.

Что есть человек?

Я опять повторю: это труд и традиции.

И то и другое заложено

в сущность его, при творении, Свыше.

Святая обязанность наша, — людей, — делать всё
Невозможное вроде бы, чтобы не стала темницей
Действительность наша, которая время от времени
полным закатом (могилой) рассветности дышит.

СЛЕГКА СОСТОЯЛСЯ...

А ведь наша Родина — наша Земля, создана
для сурового, но (нет — без «но»!) — процветания
Всех тварей, её населивших, сплетённых
чудесными в разнообразии судьбами
В единую неразделимо судьбу (и среду) обитания,
Где без суматох, без сует, без сумбуров, увитых
страстями остудными (значит, эпохам подсудными),
Не меркнут светлицы цветущие,
Не мёрзнут теплицы плодущие,
Пронизывают беспредельность единства грибницы
Любых, до неведомых нам, предысторий,
всему, что стремится
Жить и благоденствовать
без нарушающих слаженность быта амбиций.
Есть всё, чтобы жизнь на Земле развивалась, — границы
Её замыкают извне. Изнутри — я не знаю, откуда,
но чувствую, что — защищают бойницы.
Нам меньшие братья приказывают, всем всегда
своим опытом, чтоб не пристало лениться,
Делиться. И быть начеку, как бывает, когда защищает
молитвой людей от тлетворного духа черница,
А действием уберегает птенцов, от присутщих
природе, но всё же врагов, безупречная птица.
Как жить без воды? Нет вопроса, покуда криницы
С их чудом байкальским дают организмам такую
энергию, что могут жить они даже в опале; зеницы:
Взор внешний и внутренний жизни такой,
Что течёт полноводной рекой,
Объемлющей мир, равнодушию чуждый, —
без сна открывают приметливому кругозору,
что дань отдаёт необъятному взглядом
на жизнь и за жизнью простору,
Всё жизнеспособное с тем,
чтобы вечно над миром сияли денницы!
А вот у рассудка мирского желаний негусто терпеть
процедуры природной больницы.

Выходит — случается: чтоб человек состоялся,
Он должен найти, и не разумом даже, а чувством, —
Потоку грехов надлежащее русло.
Притом как наследственных, так и залётных. А жизнь
посвятить неустанной (иной не бывает) борьбе.
И чтобы в руках своих крепко держал он,
ему органичную, ниточку твёрдости ясной.
Ту самую, что со дня рождения плоти разумной любовью
ищет тропку ко всем нам, а значит, и лично к тебе.

СОБЛАЗН ЕДИНСТВА

Единственный выход из истинной смерти —
молитва.
Все люди, кто нелицемерно
(В молитву смирение не допускает каприз)
Молился Божественной Троице
(Церковь глаголет), спаслись.
Вот только (иначе — суеты) молитва такая —
отнюдь не слова, а с собой, греховодником, битва
За полную искренность перед Всевышним.
Вот так (учит Церковь!) молись.
Попробовал? Не получается? И не получится,
Пока не возлюбишь Его
сердцем всем, всей душою и всем разумением.
Любой человек, кто любил хоть кого-нибудь, знает:
Любить — значит мучиться
Своим недостойнством. Но — с убеждением,
Что Бог его слышит. Тогда открывается
(Церковь поддержкой нам) путь к восхождениям.

ЧТО ЕСТЬ ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНОСТЬ...

Быть верными — значит, любить.
А когда в человеке такая любовь процветает,
То он, без сомнений (почти), состоялся.

Да, грешен. Да, в деле нередко в трёх соснах плутает.
Но в нём несгибаемый стержень — любовь.
Значит, путь его узкий и с верой согласный.
Его не умчит никакая широкая стая.
Путь узкий ведёт к концентрации духа — тогда лишь
без устали предана верность
Живым идеалам, которых блюдёт соразмерность:
Их, верую твёрдых и действительно значимых,
Снабжённых уживчивым (так не бывает?!)
присущим им качеством — неистребимой удачею,
С чудесным, — для жизни потребным, — чудачеством.
Роды, племена и народы через волевою соборность
Создали великое разнообразие судеб,
настроенных неагрессивное счастье найти.
А нации, конгломераты, затянутые прогрессистами
в сети соблазнов: по сути, в безвольную вздорность, —
Старательно следуют по мотовскому,
широкому меж пропастями, пути.

ГДЕ МИР С БЕЗОПАСНОСТЬЮ?

Столкнулись помощники образных душ
и радетели плоти бессмысленной.
Здесь — святость. Там — грех.
Здесь — свобода. Там — унификация.
Нет поводов для компромиссов меж воинством
Бога-Христа и оравой расхристанной.
Опоры, ни в чём не похожие:
стойкость духовная и деградация.

ЧЕРЕЗ ОБЩИНУ — К БОГУ

Останься, чудак, кем ты был:
пусть воспримет тебя в этом обществе мгlistом
Люд, не изувеченный гонкой
за счастьем мирским, — формалистом.

Пусти свои силы, и чтоб без остатка, —
На пользу твоей, хоть не слишком любимой
 (не плоть ведь), души.
Ни грана гранёного чуждым тебе вожделениям!
 Чтоб не кобенилась хватка,
Когда ей придётся за пищей духовной спешить,
 все преграды крошить
 и твою, неразменную, правду вершить.

ВЗДРЕМНУТЬ, ЧТО ЛИ?

Известно, что искренность действует
на окруживших её торопыг заразительней зависти.
Вопрос на засыпку:
Кто людям доверчивым взрывоопасней,
Ненастней, какой зафрахтованы кастой:
друзья одержимые, духовники равнодушные
или враги на индивидуальный отбор?
Всем, всем доверяй без разбора, но тут же
их всех проверяй без предвзятости.
И выводы собственные постарайся внести,
ради пользы и дальних, и ближних,
Без всяких к проворному счастью подвижек,
В общинный, соборный всегда, приговор.

КУДА НАМ БЕЗ ОБЩИНЫ-ТО?

Соборные власти — отцы. А народ, вместе с ними, —
семья, неразрывная ни по какой кривизне (прямызне)
Общины. И, что б ни случилось с тобою,
все встанут на помощь тебе правосудной стеной.
Поднимутся все из начала-конца ойкумены, и не
Взирая на степень родства, будут действовать так,
чтоб любые несчастья тебя обошли стороной.

НЕ СОСКУЧИШЬСЯ

А жизнь — иерархия. В ней всё вершиться должно
своевременно; значит: не рано — не поздно.

Во имя её неприступности, несокрушимости,

Господом Богом завещано дело

Её обустройства. По надобности: от, так сказать,

незначительной до грандиозной.

Всё прочее подчинено (и — должно быть — умело)

Её основательным требованиям в нетленных

во времени категоричности и гармоничности.

Задача: рождение личности!

Комфорт — это лень!

Там, где лень, открывается дверь катаклизмам.

А главное (спорить бессмысленно) —

в службе Отчизне.

Не деятельность, не работа — служение

Соборному духу! Всегда. Даже если

служение это несёт нам одни неприятности.

Под именем бед? Нет!

Служение — действие на опережение.

А там, где служение, бедам себя не найти.

По теории невероятности.

Всё в обществе есть, чтоб любой человек

состоялся в своей самобытности,

Какие бы веяния в нём сомнительные ни шустрили,

Поскольку она приспособлена к этому

Божьим произволением

Природой, наполненной тайнами:

пищею жизненной силы

Для творчества вплоть

до интеллектуальных вершин ненасытности.

И верой в бессмертие.

В случае жизни по Божьим велениям.

ЧЕМ ГЛАЖЕ, ТЕМ ГАЖЕ

...В том, что здесь уложено,

нет никаких моих личных фантазий.

Нет, я не могу утверждать, будто б

эти сказительницы вообще сюда не просочились.

И всё же, в основе своей, не они породили

моих размышлений причины.

Представленный мною здесь свод размышлений,

Уложенный в форму стиха без — почти — сокрушений,

Отнюдь не досужий трактат, не последствия

невропатической, в писк социальной, заразы

И связанных с ней катавасий.

В нём место мной отведено (мало слишком?)

Но всё-таки...) целям, в которых не ищут браваду,

А значит, есть место и опыту жизненному:

Считается, — и к тому есть основания, — кладу

Бесценному, пусть, очевидно, небезукоризненному.

Здесь возраст мой тоже старался, — и нет у меня

в том сомнения — с тягой к умиротворению

Души. А она (эта тяга) — сестра преклонению

Рассудка пред нашей историей вещей, великой

На фоне действительности, несуразной

всё больше и больше, всё ярче безликой.

А дальше: события движутся несокрушимой

естественностью бытия

При всех неестественностях,

чем заполнена наша искусственная колея.

Тех самых, крутых. А без них, как известно, нельзя,

Какой бы чудесной ни выдалась наша стезя,

Никак ощутить человечеству формирования

в недрах его вездесущности радости от интереса

Души и рассудка к сокровищам духа (здесь

материальность — помощник!) дорогой прогресса.

Лишь через историю путь проторён к возвращению

чувств наших из суеты сует к Первооснове своей:

Залогу рождения — спасающих от разложения душ
полноценных наследников — первопреходных идей.
Им (я — о наследниках сих) вѣдом путь однозначный
и виден воочию, ибо работою разума твѣрдо ведѣм
Без всяких неведомых нам исключений,
настроенный веским трудом:
У счастья ведущих иных не бывает.

Иное — проверить несложно, но вряд ли есть смысл:
не живѣт — прозябает.

А здесь лишь попытка понять. И проститься. На время.
Оно не молчит никогда. Оно — даже беззвучное — бает.
Господствовать должен лишь взгляд,
не заикленный круговоротом навязчивых догм.

...А впрочем, всему, что я в опусе сем,
с первых слов утверждаю, не верьте.

Для этого (чтоб вы отвергли мои рассуждения)
я и привѣл аргументы,

В которых не вольничают «ключевые» моменты
С проектов, раскрученных до междометий.

Я искренне верю в их истинность... Я — не рисуюсь.

Мне не до того. И мой пафос идѣт от души.

Я был бы безмерно доволен и рад, если б он
даже и в либеральных «тусовках» не сник.

А вы — безусловные личности.

Вы без моих обойдѣтесь советов. И всё же...

Внимание к людям... Им что и родней, и дороже?!

Любовь... Чтобы сердце и разум, в какие бы вам
ни пришлось угодить «свистопляски»,

Всегда находили в общине поддержку и ласки,

А если полезно (бывает) — и таски,

Не только в борьбе, но, что главное, —
в мирной (как будто) тиши.

А с ними всегда чтобы — главное — был,
в необъезженных тонкостях, общим язык.

МОЛИТЬСЯ, ТРУДЯСЬ, И ТРУДИТЬСЯ, МОЛЯСЬ

Когда дело плохо, вы пеплом свои черепа
присыпать от отчаяния не спешите (такая забота
ущербна всегда). Даже если ваш вклад в возрождение
кажется (пусть и окажется) скромным.

Считайте, что вы состоялись в сей жизни,
запутанной ложью с бесчисленными многоточиями...

Вполне состоялись без всяких натяжек. Работа,

Где плоть заправляет,

до полной безбрежности головоломна.

И даже для личностей, сильных, сплочённых

друг с другом в единый порыв, неподъёмна

Без Божией помощи, без наделения Им ненадломленных

тружеников преднамеренными полномочиями.

Бдит Сила великая. С Ней не сравняться

каким бы то ни было силам нигде, никогда.

Она — безупречная и нерушимая Власть.

И чтобы свободными быть,

надо Ей подчиняться во всём и всегда.

Немедля. Без отдыха. И над душою своей — без труда.

Молиться, трудясь, и трудиться, молясь.

ХОЧЕШЬ ШИРОКО ШАГНУТЬ?

Приехали к финишу? Или к концу? Сколько здесь
незаконченного размышлением сосредоточено?!

Причина? Неистовый максималист (это я?) притащил
сюда гору проблем, устыдив своё творчество.

За кадром осталось немало различного прочего,

Что не позволяет читателю (если найдётся он)

не проявить свой талант в обобщающем цели размахе

от логики в рациональной рубахе

Да хрыч не рассмотрит какого пророчества.

И всё же не надо спешить с проявлением,

вроде б крутой, гениальности. Во избежание бед:

Чем шире шагнёшь, тем скорее достойные цены
дел необходимых пойдут в полцены.
Все домыслы, собственные и не только, без отпуска
сравнивай с тем, что диктует нам Новый Завет.
Нельзя забывать никому никогда: человечеству
вольные домыслы в обворожительном лёте
И неконтролируемом (Вашей подлинностью) намолоте
Проходят «чистилище» бесов и ставленников их,
поэтому вдоволь любому мудриле страшны.
Лишь в Новом Завете ключ верный
к оценке последствий
Любых человеческих действий —
От явно одухотворённых до ложных.
Он нам открывает путь к благодати цельной —
единственный.
Ошибки... Они неизбежны, но не беспощадны,
последствия небезнадёжны
Лишь в случае стойкости тяги, до интуитивности
неколебимой, к Ней — к Истине.
Хватило б нам разума
закрепоститься в Её атмосфере,
А значит, остаться до самых последних
движений рассудка в Её животворной узде,
Тем самым способствовать силам души
отдавать себя полностью истинной вере,
Чтоб не оступаться в мирской чехарде.
Беспорно (ли?): тот человек состоялся,
который покинул
Сей мир, изначально прекрасный, но нами,
людьми, изуродованный, со спокойной душой.
Но как состоялся? Чтò в жизнь бесконечную взял он:
Сует прокажённых трясину,
Отходов холуйства мякину,
Надежд не оживших руину,
Для новых свершений пружину?

Ни гены, ни почести и осуждения общества,
даже во всех его сферах,
Какой бы ни выдубилась человеку,
до самой гигантской, карьера,
Не смогут помочь ему ясно ответить
на этот вопрос небольшой.

Пока не родится ответ на другой,
На первый из взглядов — совсем не опасный:
Где он состоялся?

В том обществе, где мы живём? Не ответ — отговорка:
В вопросе так много нюансов, что с их переборкой
Не справится (не утверждаю, но...) разум ничей,
Не даст от замочка отмычек, не то что ключей.
А значит, ответ не родит никакая подкорка...